

Мужская рождаемость в XIX в.: пример московского купечества

Ирина А. Троицкая¹, Александр А. Авдеев^{1, 2}

¹ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия

² Университет Париж 1 Пантеон Сорбонна, Париж, 75013, Франция

Получено 9 July 2022 ♦ Принято в печать 2 August 2022 ♦ Опубликовано 8 September 2022

Цитирование: Troitskaya IA, Avdeev AA (2022) Male fertility in the 19th century: the case of the Moscow merchant class. Population and Economics 6(2): 144–152. <https://doi.org/10.3897/popcon.6.e91138>

Аннотация

В статье представлены оценки мужской рождаемости в купеческом населении Москвы в период 1850–1858 гг.: оценивается влияние специфики брачного поведения мужчин-купцов на показатели рождаемости, определяются границы репродуктивного возраста мужчин, учитывается вклад младенческой и детской смертности в формирование структуры семьи. Источником данных послужили сказки 10-й ревизии московского купечества.

Анализ показал, что позднее вступление в брак при низком окончательном безбрачии мужчин-купцов в Москве и значительной разнице в возрасте супругов сочетается с относительно высокими показателями мужской рождаемости в возрастах старше 50 лет. Суммарный коэффициент рождаемости для рассматриваемого периода превышает 5 детей на мужчину.

Ключевые слова

ревизии населения, мужская рождаемость, окончательное безбрачие, SMAM, метод собственных детей, младенческая смертность, детская смертность

Коды JEL: J12, J13, N33, N93

Введение

В данной заметке мы используем термины «рождаемость» и «мужская рождаемость», как это принято с середины 1970-х гг. в русскоязычной демографической литературе, хотя на самом деле речь идет о понятии и показателях «плодовитости» (в частности мужской), как они определяются в мировой практике демографического анализа (например, на английском языке плодovitость это fertility, а рождаемость – natality или birth rate; на французском плодovitость это fécondité, а рождаемость – natalité). Изначально, в русскоязычной демографической литературе

как и в общемировой практике понятие «рождаемость» определяло рождения (число, количество родившихся) как компонент движения численности населения, тогда как понятие «плодовитость» связывало рождение детей с циклом жизни (поколения) родителей. Эти определения даны во всех классических учебниках по статистике населения [см. Уиппл, Новосельский, 1929: 465, 469–472; Курс демографии, 1974: 53, 90–97]. Путаница в терминологии началась после выхода книги В.А. Борисова «Перспективы рождаемости» [Борисов, 1976]; в 1984 г. смешение этих различных по теоретической нагрузке понятий было закреплено в Демографическом энциклопедическом словаре в статье Л.Е. Дарского «Рождаемость» [Дарский, 1984: 373–376]. Обсуждение причин и последствий этой терминологической путаницы не является нашей задачей и не входит в число целей данной публикации. Поэтому, уважая правила, которые на сегодняшний день в ходу в русскоязычной демографии, мы будем использовать термин «мужская рождаемость», оставляя за собой право дальнейшей критики терминологических несоответствий.

В современной российской литературе репродуктивное поведение мужчин вообще и мужская рождаемость в частности практически всегда упоминаются только в двух аспектах:

- Репродуктивное здоровье / бесплодие.
- Репродуктивные ориентации и установки, намерения в отношении рождаемости, принятие парой репродуктивных решений и использование контрацепции для их реализации.

Хотя Росстат разрабатывает информацию о распределении рождений по возрасту отца (впрочем, без ее публикации в демографических ежегодниках), традиционно рождаемость изучается на основании показателей для женского населения.

Исключения немногочисленны; в течение последних лет можно процитировать единичные работы, в которых анализируется мужская рождаемость. В статье С.В. Захарова и С.В. Суркова [2009] данные обследования РиДМиЖ¹ используются для анализа миграционных историй россиян и связи рождения первого ребенка с миграционной активностью мужчин. В недавней работе В.Н. Архангельского и О.Н. Калачиковой [2021] авторы, используя неопубликованные данные Росстата о распределении рождений по возрасту отца, анализируют влияние типа партнерства на показатели рождаемости мужчин, предлагают методологию коррекции данных о возрасте отца в момент рождения ребенка.

Список зарубежных исследований мужской рождаемости более обширный и более «демографический». Прежде всего, следует отметить монографию «Fertility and the male life-cycle in the era of fertility decline» [2000], охватывающую широкий спектр тем: демографию, антропологию, генетику и другие аспекты мужской рождаемости. Но тот факт, что автором первой главы этой монографии является Д. Коулмен, некоторым образом определяет приоритетность демографических аспектов в изучении мужской рождаемости.

В ряде работ анализируются классические показатели рождаемости, но применительно к мужчинам. Это направление получило развитие в 2010-х гг., после выхода монографии Л. Чанга [Zhang, 2011]. За ней последовали публикации, посвященные мужской рождаемости в Греции [Tragaki, Bagavos, 2014], Дании [Nordfalk et al., 2015], Германии [Dudel, Klüsener, 2016]. Б. Шумейкер в своей работе [Schoumaker, 2017] анализирует показатели мужской рождаемости в ряде развивающихся стран на основе данных обследований Demographic and Health Survey.

В вышедшем в 2019 г. отчете о мужской рождаемости в США впервые в истории Бюро переписей США были представлены оценки показателей мужской рождаемости, основанные на полных репродуктивных историях респондентов-мужчин, участвовавших в обследовании Income and Program Participation 2014 г. [Monte, Knop, 2019: 1].

¹ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе, волна 2 (2007).

Работ о мужской рождаемости в прошлом практически нет; можно процитировать ретроспективное исследование Б. Андерсона о влиянии возраста отца на показатели рождаемости в Ирландии по данным переписи 1911 г. [Anderson, 1975] и публикацию Н. Бруара, восстановившего серию повозрастных коэффициентов мужской рождаемости во Франции для периода 1899–1974 гг. и показателей итоговой рождаемости в когортах мужчин 1880–1930 гг. рождения [Brouard, 1977].

Тем не менее изучение мужской рождаемости имеет огромное значение для понимания истории повседневной жизни и социальной истории вообще. Действительно, как можно разобраться в отношениях наследования и взаимоотношениях поколений в патрилинейных и патриархатных обществах без привязки рождения детей к жизненному циклу мужчины – главы семьи и семейной группы? В какой степени внутрисемейные конфликты, конфликты отцов и детей, которые питали вдохновение писателей и поэтов с античности до наших дней, зависят от возраста, в котором мужчина становится отцом каждого из своих детей?

Российские исторические источники, в частности, ревизские сказки позволяют оценить рождаемость мужчин с середины XVIII до середины XIX в. В действительности этот период значительно короче; это связано с сохранностью и доступностью неопубликованных архивных документов.

В настоящей статье мы представим оценку показателей мужской рождаемости в купеческом сословии Москвы в середине XIX в. по данным ревизий населения.

Источники и методы

Источником информации в этом исследовании служат сказки купеческого населения Москвы 9-й (1850 г.) и 10-й (1857–1858 гг.) ревизий. Достоинством используемого нами источника является относительная легкость сбора информации, поскольку сказки всех ревизий для этого сословия опубликованы и их копии доступны¹.

Ревизская сказка московского купеческого домохозяйства содержит информацию:

- о возрасте (на момент текущей и предыдущей ревизии для мужчин и только на момент текущей – для женщин);
- о семейном положении каждого индивида в возрасте 15 лет и старше;
- о родственных связях каждого члена домохозяйства с его главой или с каким-либо другим членом домохозяйства;
- о годе и причине включения в сказку (рождение, прибытие в Москву, переход в купеческое сословие);
- о годе и причине исключения из сказки (смерть, выбытие из Москвы, выход из купеческого сословия).

Данные, содержащиеся в ревизских сказках, позволяют оценить показатели рождаемости в межревизионный период методом «собственных детей» (own-children method) [Indirect techniques..., 1983: 182-195].

Этапы реализации метода (применительно к отцам):

1. Связать детей, родившихся в межревизионный период и записанных в текущую ревизию, с их отцами.
2. Определить возраст отца в момент рождения каждого ребенка.
3. Распределить детей, для которых отцы не идентифицированы, по возрастным группам мужчин в соответствии с распределением детей, для которых отцы идентифицированы.

¹ Об истории публикации сказок московского купечества см.: [Ульянова, 2018].

4. Сделать поправку на смертность детей в возрастах, равных интервалу между ревизиями, для уточнения числителя при расчете коэффициентов.
5. Сделать поправку на смертность мужчин в межревизионный период для уточнения знаменателя при расчете показателей.

В случае использования ревизских сказок в выполнении пункта 5 стандартной процедуры нет необходимости, поскольку смерти мужчин в межревизионный период отражены в сказке с указанием года смерти. В этом случае знаменатель в повозрастных коэффициентах рождаемости может быть вычислен достаточно точно. Отметим, что для расчета показателей женской рождаемости пункт 5 был бы обязателен, поскольку информация о смертях женщин в межревизионный период в сказки не вносится.

Показатели мужской рождаемости будут рассчитываться на основе выборки из 3 696 детей, родившихся в московских купеческих семьях после 9-й ревизии и доживших до начала 10-й, и 4 403 мужчин – потенциальных отцов – в возрасте от 18 до 70 лет, живших в период между 9-й и 10-й ревизиями и доживших до начала 10-й (рис. 1).

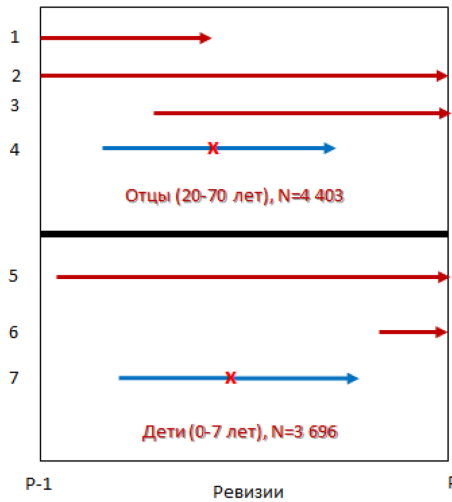

Рис. 1. Варианты линий жизни отцов и детей в межревизионный период. *Примечания:* P-1 – предыдущая ревизия; P – текущая ревизия. *Линии жизни отцов:* 1 – записанные в предыдущую ревизию, но выжившие до начала текущей; 2 – записанные и в предыдущую, и в текущую ревизию; 3 – не записанные в предыдущую ревизию, но записанные в текущую; 4 – не записанные ни в предыдущую, ни в текущую ревизию (для этих лиц в сказке есть дата прибытия и выбытия, но нет данных о возрасте). *Линии жизни детей:* 5, 6 – родившиеся после предыдущей ревизии и дожившие до начала текущей; 7 – родившиеся после предыдущей ревизии и не дожившие до начала текущей.

Отцы, которым соответствует линия жизни 4, считаются неидентифицированными, хотя части из них возможно приписать их детей; в этом случае дети будут распределены по возрастным группам отцов пропорционально тем показателям, которые наблюдаются в группе детей, для которых отцы идентифицированы (см. п.3 в описании метода собственных детей).

О детях, которым соответствует линия жизни 7, в ревизских сказках не содержится никакой информации; в этом случае при расчете показателей рождаемости необходимо будет сделать поправку на смертность детей в возрастах от 0 до $n - 1$, где n – длина периода между ревизиями (см. п. 4 в описании метода собственных детей).

Факторы, влияющие на рождаемость мужчин-купцов

а) Брачное поведение

По мнению Б. Андерсон, мужская рождаемость изучена гораздо меньше по сравнению с женской в том числе и потому, что в большинстве населений разница в возрасте супругов принимает значения, находящиеся в небольшом интервале. Поэтому для изучения рождаемости достаточно анализа повозрастных коэффициентов для женщин; показатели мужчин в этом случае будут к ним близки [Anderson, 1975: 561]. Разумеется, такой вывод верен скорее для исторических населений, не знающих широкого распространения внебрачных рождений.

Случай московского купечества не вполне соответствует этой гипотезе из-за специфического матримониального поведения мужчин-купцов. Прежде всего, московские купцы вступают в первый брак гораздо позже, чем женщины, принадлежащие к этому же сословию (табл. 1 и рис. 2).

Таблица 1. Оценка параметров брачности (первые браки) мужчин и женщин купеческого сословия в Москве в период 1850–1857 гг.

Показатель	Женщины	Мужчины
Средний возраст*	21,4 года	28,7 года
Медианный возраст	19 лет	27 лет
«Окончательное безбрачие»**	10%	10%
Завершение «брачного сезона»	30 лет	40 лет

Источник: расчеты авторов по данным ревизий

* – расчет по методу Дж. Хайнала (SMAM)

** – доля никогда не состоявших в браке в возрасте 50 лет.

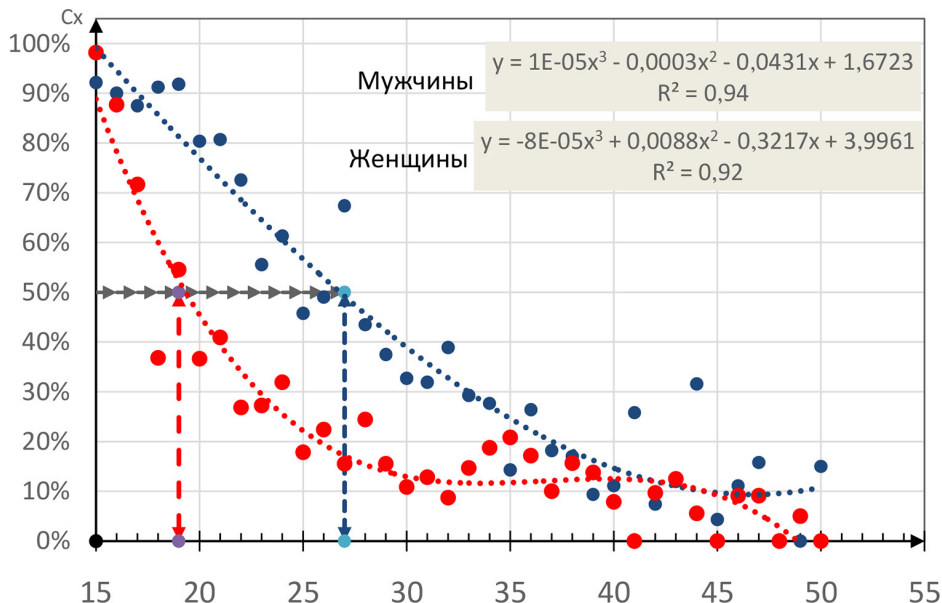

Рис. 2. Доли никогда не состоявших в браке в купеческом населении Москвы, по полу и возрасту, 1850–1857. Источник: расчеты авторов по данным ревизий.

В Москве мужчины-купцы начинают вступать в брак гораздо позже по сравнению с женщинами. В итоге к 20 годам в браке состоит почти 50% женщин и лишь 20% мужчин; в 25 лет этот показатель составляет 80 и 55% соответственно. При этом у мужчин связь возраста и доли никогда не состоявших в браке практически линейна, то есть вероятность вступления мужчин в первый брак примерно одинакова во всех возрастах от 15 до 40 лет. Доля никогда не состоявших в браке достигает минимума и стабилизируется для женщин к возрасту 30 лет, а для мужчин – только к 40 годам. При этом показатели окончательного безбрачия мужчин и женщин довольно близки и находятся на уровне 10%.

Подобное брачное поведение нехарактерно, к примеру, для крестьянского сословия. Сравнение показателей первых браков мужчин в крестьянском населении Выхинской вотчины и купеческом населении Москвы, выполненное с применением модели брачности Коула-МакНейла [Coale, McNeil, 1972], показывает существенные различия в скорости вступления в первый брак: для мужчин-крестьян она высока – существенно выше стандарта модели¹, тогда как купцы вступают в первые браки гораздо медленнее (рис. 3).

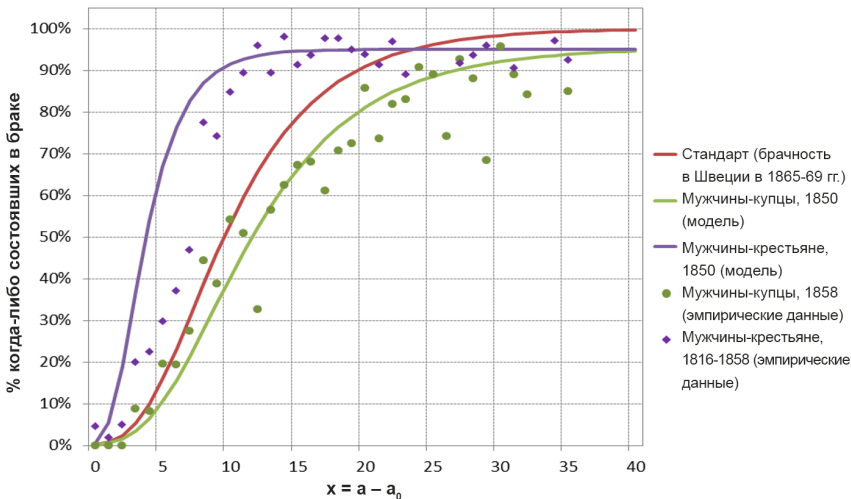

Рис. 3. Различия в показателях первых браков мужчин в крестьянском и купеческом населении: оценки с помощью модели Коула-Макнейла. *Источник:* расчеты авторов по данным ревизий. *Примечание:* a_0 – возраст начала первых браков (равен возрасту, к которому в браке состоит 1% населения); a – возраст вступления в первый брак.

б) Разница в возрасте супругов

В купеческом населении Москвы для супругов, вступающих в первый брак, характерна существенная разница в возрасте жениха и невесты (табл. 2).

С учетом такой разницы в возрасте едва ли можно рассматривать откладывание первых браков мужчинами-купцами как один из способов снижения числа детей в семье за счет сокращения длины репродуктивного периода [Malthus, 1798], поскольку их жены были значительно моложе и вступали в первый брак, будучи в самых активных репродуктивных возрастах.

Следует отметить, что в повторных браках мужчин, принадлежавших к купеческому сословию Москвы, разница в возрасте супругов становилась еще более значительной.

¹ В модели Коула-МакНейла в качестве стандарта накопленной частоты первых браков используются показатели брачности, наблюдавшиеся в Швеции в период 1865–1869 гг.

Таблица 2. Разница в возрасте супругов в первых браках в купеческом сословии Москвы, 1850–1857 гг.

Разница в возрасте супругов, первые браки	N	%
Жена старше мужа	110	4,6%
Муж и жена ровесники	177	7,3%
Муж старше на:		
1-4 года	859	35,6%
5-9 лет	685	28,4%
10-14 лет	372	15,4%
15 лет и более	211	8,7%
Число пар	2414	100%
Средняя разница в возрасте супругов	5,99 ± 5,50 лет	

Источник: расчеты авторов по данным ревизий.

Результаты

а) повозрастные и суммарные коэффициенты рождаемости

При расчете повозрастных показателей рождаемости поправка на смертность детей в возрасте 0–7 лет между ревизиями была сделана с помощью семейства East модельных таблиц смертности Коула-Демени, лучше всего соответствующих структуре повозрастной смертности в России в середине XIX в. [Blum, Troitskaya, 1997: 135-137].

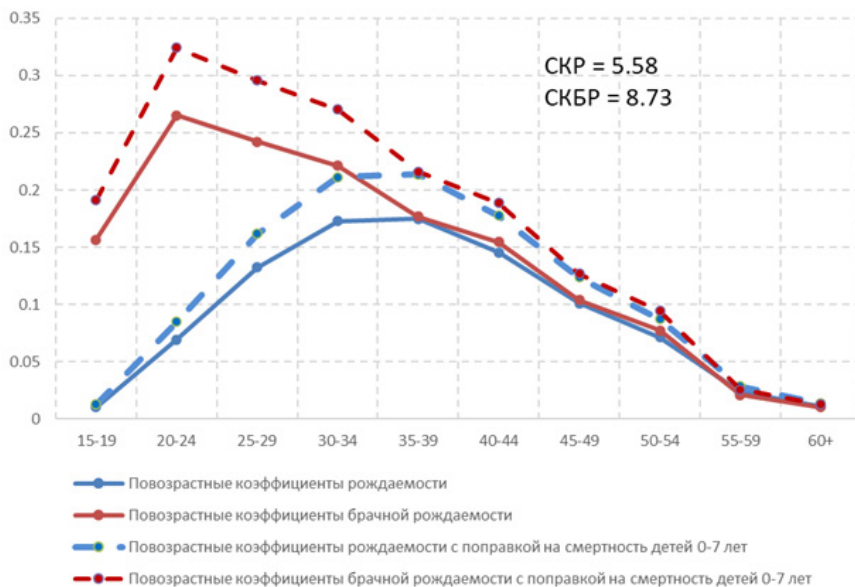

Рис. 4. Повозрастные коэффициенты рождаемости и брачной рождаемости мужчин в купеческом населении Москвы, 1850–1858 гг., все браки. *Примечания:* пунктирная линия – повозрастные показатели с учетом смертности детей в возрастах 0–7; суммарный коэффициент рождаемости (СКР) и брачной рождаемости (СКБР) рассчитаны с поправкой на смертность детей в возрастах 0–7

Пик повозрастной рождаемости у мужчин приходится на возраст 35–39 лет. Расхождения в повозрастных показателях рождаемости и брачной рождаемости практически исчезают к 40 годам, когда доля не состоящих в браке мужчин стабилизируется на минимальном уровне (рис. 2).

б) физиологические пределы рождаемости мужчин

Анализ данных показал, что репродуктивный период мужчин продолжительнее по сравнению с женским. На долю отцов в возрасте 50 лет и старше приходится $\approx 7\%$ всех рождений, тогда как для женщин 50 лет считаются физиологическим пределом рождаемости.

Максимальный возраст отцовства, зафиксированный в сказках 10-й ревизии (2 случая):

Павел Иванович Лафон, женат вторым браком, жене 38 лет (по 10-й ревизии). От нее четверо детей в возрасте от 1 до 7 лет и еще четверо незаконнорожденных в возрасте от 7 до 16 лет. Последний ребенок родился, когда ему был 71 год.

Филат Матвеевич Матвеев, женат вторым браком, жене 37 лет (по 10-й ревизии). От нее семеро детей в возрасте от 1 до 15 лет. Самый младший родился, когда отцу был 71 год.

Выводы

Исследование мужской рождаемости по данным ревизий населения в очередной раз убеждает нас в качестве этого источника и его возможностях: ревизские сказки позволяют применить к индивидуальным данным самые современные методы демографического анализа.

Пока рано говорить о том, представляет ли матримониальное поведение московских купцов в середине XIX в. некую переходную форму от традиционного к современному. Но что можно сказать уже сейчас – демографическая ситуация на востоке от линии Хайнала была не такой гомогенной, как это представлялось ранее. Но едва ли можно рассматривать откладывание браков мужчинами-купцами как способ внутрисемейного регулирования рождаемости, поскольку поведение женщин оставалось традиционным (ранние браки и частые рождения).

Безусловно, наши результаты локальны. И помощь может только расширение географических рамок российских историко-демографических исследований.

Дальнейшие направления исследований могут представлять собой сравнительный анализ мужской и женской рождаемости, а также изучение проблемы и перцепции отцовства в купеческом населении Москвы.

Библиография

- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. (2021) Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз: 14(5): 165–85. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10>
- Борисов В.А. (1976) Перспективы рождаемости. М.: Статистика. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/borisov/borisov.html>
- Дарский Л.Е. (1984) Рождаемость. / *Демографический энциклопедический словарь*. / Под ред. Д.И. Валентя. М.: Советская энциклопедия. С. 373–376
- Захаров С.В., Сурков С.В. (2009) Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП. С. 45–118. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/pdf/RiDMiG-2_2009.pdf

- Курс демографии (1974) / под ред. А.Я.Боярского, 2-е издание. М.: Статистика. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/pdf/book021.pdf
- Уипль Дж.Ч., Новосельский С.А. (1929) Основы демографической и санитарной статистики. М.: Государственное медицинское издательство.
- Ульянова Г.Н. (2018) Н.А.Найденев и издание ревизских сказок в многотомнике «Материалы для истории московского купечества» (1883-1889) // Экономическая история: 14(2): 223-38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35130949>
- Anderson B. (1975) Male Age and Fertility Results from Ireland Prior to 1911 // Population Index: 41(4): 561-7. URL: <https://www.jstor.org/stable/2734844>
- Bledsoe C., Lerner S., Guyer J.I. eds. (2000) Fertility and the male life-cycle in the era of fertility decline. IUSSP, Oxford University Press
- Blum A., Troitskaya I. (1997) Mortality in Russia During the 18th and 19th Centuries: Local Assessments Based on the Revizii // Population: An English selection: 9: 123-46. URL: <https://www.jstor.org/stable/2953828>
- Brouard N. (1977) Évolution de la fécondité masculine depuis le début du siècle // Population: 32(6): 1123-58. URL: <https://www.jstor.org/stable/1531392>
- Coale A.J., McNeil D.R (1972) The Distribution by Age of the Frequency of First Marriage in a Female Cohort // Journal of American Statistical Association: 67(340): 743-9. URL: <https://www.jstor.org/stable/2284631>
- Dudel C., Klüsener S. (2016) Estimating male fertility in eastern and western Germany since 1991: A new lowest low? // Demographic Research: 35(53): 1549-60. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.35.53>
- Malthus T.R. (1798/1960) An Essay on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society. New York, Random House.
- Monte L.M., Knop B. (2019) Men's Fertility and Fatherhood: 2014. Current Population Reports, P70-162, U.S. Census Bureau, Washington, DC.
- Nordfalk F., Hvidtfeldt U.A., Keiding N. (2015) TFR for males in Denmark – calculation and tempo-correction // Demographic Research: 32(52): 1421-34. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.52>
- Schoumaker B. (2017) Measuring male fertility rates in developing countries with Demographic and Health Surveys: An assessment of three methods // Demographic Research: 36(28): 803-50. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.28>
- Tragaki A., Bagavos C. (2014) Male fertility in Greece: Trends and differentials by education level and employment status // Demographic Research: 31(6): 137-60. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.31.6>
- Zhang L. (2011) Male fertility patterns and determinants. Dordrecht: Springer (Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis 27). <https://doi.org/10.1007/978-90-481-8939-7>

Информация об авторах

- Троицкая Ирина Алексеевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: itro@econ.msu.ru
- Авдеев Александр Александрович, к.э.н., зав. сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Института демографии университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна. E-mail: Alexandre.Avdeev@univ-paris1.fr